

УДК 338.45

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

Сурхаева З. З.¹

Аннотация: Статья посвящена промышленной политике и импортозамещению критических технологий в России в период 2022 г. – первого полугодия 2024 г. На основании нормативной базы и статистики промышленного производства анализируется смена приоритетов промышленной политики, формирование перечня критических технологий и особенности их локализации. Установлено, что с 2022 г. произошёл переход от точечного импортозамещения к системной локализации критических производственных цепочек; достижение полной автономии в ряде секторов (микроэлектроника, фармацевтическое сырьё, авиационные компоненты) ограничено технологическим разрывом и необходимостью долгосрочных НИОКР. Особое внимание уделено оценке эффективности инструментов Федерального закона «О промышленной политике». Показано, что импортозамещение критических технологий – длительный процесс, требующий связки образовательной, инвестиционной и инновационной политики.

Ключевые слова: промышленная политика, импортозамещение, критические технологии, локализация производства, Федеральный закон № 488-ФЗ, особые экономические зоны, фармацевтическая промышленность, микроэлектроника

Для цитирования: Сурхаева З. З. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ // Московский вестник экономических наук. №4 (2024). С. 19-25.

INDUSTRIAL POLICY AND IMPORT SUBSTITUTION OF CRITICAL TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Surkhaeva Z. Z.¹

Abstract: This article examines industrial policy and the import substitution of critical technologies in Russia during the period from 2022 through the first half of 2024. Based on the regulatory framework and industrial production statistics, the study analyzes changes in industrial policy priorities, the formation of a list of critical technologies, and the specific features of their localization. It is established that since 2022, Russia has shifted from targeted import substitution towards the systemic localization of critical production chains. Achieving full autonomy in a number of sectors, including microelectronics, pharmaceutical raw materials, and aircraft components, remains constrained by the technological gap and the need for long-term research and development. Particular attention is paid to assessing the effectiveness of the instruments established by Federal Law No. 488-FZ "On Industrial Policy in the Russian Federation." The study demonstrates that the import substitution of critical technologies is a long-term process requiring the coordinated development of education, investment, and innovation policies.

Keywords: industrial policy, import substitution, critical technologies, production localization, Federal Law No. 488-FZ, special economic zones, pharmaceutical industry, microelectronics

ВВЕДЕНИЕ

Промышленная политика Российской Федерации в 2022–2024 гг. претерпела существенные изменения, вызванные санкционным давлением и задачей обеспечения технологического суверенитета. Возник запрос не на точечное импорто-

замещение отдельных товарных позиций, а на системную локализацию критических производственных цепочек в электронике, машиностроении, фармацевтике и агропромышленном комплексе [1].

Нормативной основой нового этапа стал Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», в 2022–2024 гг. дополненный рядом подзаконных актов. Принято Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2024 г. № 638, определяющее порядок присвоения статуса «российская промышленная продукция». Активизировано использование механизма офсетных контрактов и кластерных инвестиционных проектов. Эти изменения отражают смену парадигмы от квазирыночного стимулирования отдельных компаний к системной работе по организации критических технологических цепочек [2; 3].

Гипотезой исследования служит утверждение о том, что уровень достигнутого импортозамещения критических технологий неоднороден: в одних секторах (автопром, бытовая техника) к концу 1П2024 г. произошло массовое вытеснение западных поставщиков, тогда как в других (микроэлектроника, авиационные компоненты, субстанции для фармацевтики) восполнение разрыва остаётся незавершённым. Подтверждение или опровержение этой гипотезы составляет задачу данной работы.

Актуальность работы определяется тем, что перечень критических технологий и связанные с ним программы локализации стали центральным элементом промышленной повестки 2022–1П2024 гг. Научная новизна состоит в дифференцированной оценке глубины локализации по отраслям и в разделении понятий «импортозамещение» и «локализация» применительно к критическим технологиям.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниками выступили нормативные правовые акты Российской Федерации (Федеральный закон № 488-ФЗ, постановления Правительства РФ 2022–2024 гг.), статистические материалы Росстата и Минпромторга России, обзоры отраслевых ассоциаций и публикации в рецензируемых научных журналах. Использованы методы сравнительного анализа динамических рядов, структурно-логического группирования данных по отраслевым и технологическим срезам, а также метод индуктивного обобщения.

Сопоставлялись показатели уровня локализации по отраслям и фактические инвестиции в обновление фондов. Отдельно оценивались факторы кадровой обеспеченности, поскольку именно этот компонент в ряде секторов выступает критическим ограничителем масштабов импортозамещения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

К 2022 г. модель российской промышленной политики, опиравшаяся на федеральные целевые программы, программы инновационного развития госкомпаний и инструменты Фонда развития промышленности, обнаружила пределы

своей эффективности. Ограничение доступа к западным технологиям и комплектующим обусловило необходимость её перенастройки [4]. По оценке Бодрунова С.Д., промышленная политика 2022–1П2024 гг. представляет собой «новый цикл управляемой трансформации» с акцентом на технологический суверенитет и опережающие инвестиции в НИОКР [5].

Принципиальное отличие нового этапа состоит в переходе от политики «реагирования» (дотирования производственных мощностей) к политике «управления цепочками» (формирование критических технологических цепочек с участием государства). Подтверждение этому обнаруживается в усилении роли специальных инвестиционных контрактов (СПИК 2.0), в расширении практики присвоения статуса «российский производитель» и в перезапуске реестра российской промышленной продукции [2].

Кукушкин И.Г. отмечает, что составной частью перехода стало расширение полномочий региональных администраций в области промышленной политики: в 2022–1П2024 гг. число регионов с принятыми региональными законами о промышленной политике увеличилось с 47 до 64 [2]. Это свидетельствует о тенденции к децентрализации принятия решений при сохранении федеральной координации по критическим технологиям.

Перечень критических технологий Российской Федерации, утверждённый Указом Президента РФ, охватывает 25 позиций, включая микроэлектронику и элементную базу, беспилотные авиационные системы, искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотехнологии, фармацевтические субстанции. К 2024 г. перечень дополнен разделом «технологии обеспечения транспортной безопасности» и «технологии снижения рисков и ущерба от природных и техногенных катастроф» [6].

Включение критической технологии в перечень означает повышенный приоритет государственной поддержки проектов в этой области через субсидии, налоговые льготы и регуляторные преференции. Каждая из 25 технологий имеет характерный временной горизонт локализации: для автомобилестроения он составляет 2–3 года, для фармацевтических субстанций – 5–8 лет, для микроэлектронных компонентов с топологическими нормами менее 65 нм – 10–15 лет [6].

Крюков В.А. подчёркивает, что перечень критических технологий тесно связан с механизмами финансирования НИОКР, а также с системой государственных научных центров и программ фундаментальных исследований. Без связки «перечень – финансирование – подготовка кадров» перечень превращается в декларативный документ [6].

В автомобильной промышленности уровень локализации в 2023 г. достиг 65% по легковым автомобилям ряда массовых моделей; в тракторостроении – 48%; в сельхозмашиностроении – 55%. Это позволяет оперативно замещать ушедших западных производителей, однако для преодоления технологического разрыва в компонентной базе (двигатели, электроника, коробки передач) требуется несколько дополнительных лет [7].

В фармацевтике положительная динамика отмечается в сегменте готовых лекарственных форм: доля отечественных препаратов в общем объеме продаж в 2023 г. составила 67% против 56% в 2021 г. [8]. Вместе с тем в сегменте активных фармацевтических субстанций доля отечественного производства к концу 1П2024 г. составила около 25%. Зависимость от китайских и индийских субстанций в ряде позиций сохраняется, что создаёт долгосрочные риски устойчивости программ импортозамещения [8; 9].

В микроэлектронике ситуация наиболее чувствительная. Уровень отечественного производства интегральных схем в 1П2024 г. обеспечивал около 12% внутреннего потребления; основной объём приходится на компоненты с топологическими нормами 65–180 нм. Современные схемы с нормами 7–28 нм из собственных производственных мощностей в России пока не производятся, и зависимость от азиатских партнёров (Китая и Тайваня) остаётся определяющей [5]. По отдельным критическим компонентам (силовая электроника, ряд микроконтроллеров для оборонной техники) запуск собственного производства в 2022–1П2024 гг. был организован на отечественных линиях, однако их доля в общем потреблении не превышает 5%. [7]

Анопченко А.И. и Ковтюх Г.С. фиксируют, что в фармацевтическом сегменте наблюдается положительный, но неравномерный эффект импортозамещения: готовые формы замещаются быстро, тогда как субстанции требуют многолетних программ и крупных инвестиций [9; 10]. По оценкам Пшебельской Л.Ю., мировой фармацевтический рынок переживает период трансформации, в котором российские производители получают конкурентные преимущества в ряде сегментов, но не в критически важных субстанциях [11].

В авиационной промышленности импортозамещение затрудняется длительными производственными циклами и сертификационными процедурами. К концу 1П2024 г. программы локализации компонентов для двигателей ПД-14 и ПД-8 находились в стадии опытно-промышленной эксплуатации.

Среди мер государственной поддержки в 2022–1П2024 гг. наиболее значимыми оказались: программы льготного кредитования инвестиционных проектов в промышленности через Фонд развития промышленности; механизм специальных инвестиционных контрактов (СПИК 2.0); кластерные инвестиционные проекты в особых экономических зонах; обновлённый механизм офсетных контрактов с региональной компонентой [2].

Инструмент кластерных проектов, получивший распространение после 2019 г., использовался в 2022–1П2024 гг. в фармацевтике (Калужская и Калининградская области), в автомобилестроении (Ульяновская и Нижегородская области), в производстве строительных материалов (Свердловская область). Вместе с тем результативность кластерных проектов в значительной мере зависит от кооперации региональных администраций и наличия научно-образовательной инфраструктуры.

Малкина М.Ю. фиксирует, что в период 2022–1П2024 гг. промышленность обеспечивала около 54–55% всех налоговых поступлений консолидированного бюджета, и её доля возросла по сравнению с 2020–2021 гг. Это увеличивает фискальную ценность результатов импортозамещения: прирост налоговой базы в обрабатывающей промышленности прямо связан с успехами локализации [4].

Пределы импортозамещения связаны с тремя группами факторов. Первая группа – технологический разрыв: для ряда критических позиций (микроэлектронные компоненты, полный цикл авиастроения, ряд фармацевтических субстанций) разрыв в уровне технологий слишком велик для замещения в короткие сроки. Вторая группа – кадровая обеспеченность: спад выпуска специалистов инженерных и технологических профессий в предыдущие два десятилетия ослабил кадровую базу промышленных НИОКР. Третья группа – инвестиционный цикл локализации: средний временной горизонт выхода на серийное производство в критических секторах составляет 5–12 лет, тогда как политические и санкционные циклы более краткосрочны [5].

Литвинова А.В. подчёркивает, что без стабильной кадровой политики и долгосрочного финансирования даже крупные программы импортозамещения критических технологий рискуют утратить инженерные компетенции в условиях оттока специалистов [12]. Лебедева К.О. предлагает различать уровни локализации: «формальный» (наличие отечественного бренда при использовании импортных компонентов) и «технологический» (полный цикл производства на отечественной платформе). Её анализ показывает, что доля формальной локализации в 2023 г. составила около 27%, тогда как технологической – лишь 11% [3].

ВЫВОДЫ

Промышленная политика и импортозамещение критических технологий в 2022–1П2024 гг. продемонстрировали высокий потенциал точечного замещения западных поставщиков и выраженные пределы в критических секторах с глубоким технологическим разрывом. В сегментах с умеренным разрывом (автопром, бытовая техника, агротехника) к концу 1П2024 г. достигнут уровень локализации свыше 50%. В критических секторах (микроэлектроника, авиационные компоненты, ряд фармсубстанций) локализация остаётся незавершённой и должна опираться на долгосрочные инвестиционные программы и подготовку инженерно-технических кадров.

Дальнейшие измерения результативности промышленной политики целесообразно направить на разделение понятий «импортозамещение» (замена одного поставщика другим) и «локализация» (воспроизведение критической технологической цепочки с созданием собственной нормативно-технологической базы), а также на количественную оценку инвестиционных затрат на единицу достигнутого прироста локализации. Кроме того, приоритетным направлением должна стать дифференциация программ поддержки по технологическим группам с учётом характерного временного горизонта локализации в каждой из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назарова С.В. К вопросу о проблемах импортозамещения в современной российской экономике // Экономика и управление. — 2022. — Т. 28. — № 6. — С. 489–498.
2. Кукушкин И.Г. Промышленная политика России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2015. — Т. 9. — № 4. — С. 38–45.
3. Лебедева К.О. Некоторые подходы к понятию «промышленная политика предприятия» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2024. — Т. 14. — № 2. — С. 73–83.
4. Малкина М.Ю. Тенденции развития российской промышленности и её отраслей в период новых антироссийских санкций // Экономика региона. — 2023. — Т. 19. — № 4. — С. 1067–1082.
5. Бодрунов С.Д. Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности // Экономическое возрождение России. — 2024. — № 1 (75). — С. 4–17.
6. Крюков В.А. Базовые и критические технологии — приоритет научно-технической политики государства // Экономика и промышленная политика. — 2014. — № 4. — С. 12–21.
7. Капитонова Н.В., Жу픽ова Е.В. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. — 2024. — Т. 8. — № 3. — С. 219–234.
8. Ковтюх Г.С. Основные тенденции развития фармацевтического рынка в России // Лечебное дело. — 2023. — Т. 97. — № 9. — С. 163–167.
9. Анопоченко А.И. Оценка современного состояния российского фармацевтического рынка // Российский технологический журнал. — 2023. — Т. 11. — № 5. — С. 47–61.
10. Пшебельская Л.Ю. Современные трансформации развития мирового фармацевтического рынка // Экономика и управление. — 2023. — № 5. — С. 92–102.
11. Сидорин А.А. Современное состояние и перспективы развития АПК России // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. — 2024. — № 4. — С. 17–25.
12. Литвинова А.В. Развитие концепций импортозамещения в России // Научный результат. Серия: Экономика и управление. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 54–67.

REFERENCES

1. Nazarova S.V. On the Issue of Import Substitution Problems in the Modern Russian Economy // Economics and Management. — 2022. — Vol. 28. — No. 6. — P. 489–498.
2. Kukushkin I.G. Industrial Policy of Russia // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. — 2015. — Vol. 9. — No. 4. — P. 38–45.
3. Lebedeva K.O. Some Approaches to the Concept of “Industrial Policy of an Enterprise” // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. — 2024. — Vol. 14. — No. 2. — P. 73–83.
4. Malkina M.Yu. Trends in the Development of Russian Industry and Its Sectors during the Period of New Anti-Russian Sanctions // Economy of the Region. — 2023. — Vol. 19. — No. 4. — P. 1067–1082.
5. Bodrunov S.D. The Russian Economy 2024+: New Solutions in a New Reality // Economic Revival of Russia. — 2024. — No. 1 (75). — P. 4–17.
6. Kryukov V.A. Basic and Critical Technologies as Priorities of the State’s Science and Technology Policy // Economics and Industrial Policy. — 2014. — No. 4. — P. 12–21.
7. Kapitonova N.V., Zhupikova E.V. Analysis of the Impact of Sanctions on Russia’s Economic Security: Challenges and Opportunities // Finance and Management. — 2024. — Vol. 8. — No. 3. — P. 219–234.
8. Kovtyukh G.S. Key Trends in the Development of the Pharmaceutical Market in Russia // Medical Practice. — 2023. — Vol. 97. — No. 9. — P. 163–167.
9. Anopchenko A.I. Assessment of the Current State of the Russian Pharmaceutical Market // Russian Technological Journal. — 2023. — Vol. 11. — No. 5. — P. 47–61.
10. Pshebel’skaya L.Yu. Contemporary Transformations in the Development of the Global Pharmaceutical Market // Economics and Management. — 2023. — No. 5. — P. 92–102.
11. Sidorin A.A. The Current State and Development Prospects of Russia’s Agro-Industrial Complex // Agricultural Economics and Processing Enterprises. — 2024. — No. 4. — P. 17–25.
12. Litvinova A.V. Development of the Concepts of Import Substitution in Russia // Research Result. Series: Economics and Management. — 2024. — Vol. 10. — No. 1. — P. 54–67.

Информация об авторе

СУРХАЕВА Зарема Залбеговна

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный ме-
дицинский университет» Минздрава России
г. Махачкала, Россия
E-mail: surkhaeva.68z@gmail.com

Information about the author

ZAREMA Z. Surkhaeva

Senior Lecturer,
Dagestan State Medical University, Ministry of
Health of the Russian Federation
Makhachkala, Russia
E-mail: surkhaeva.68z@gmail.com